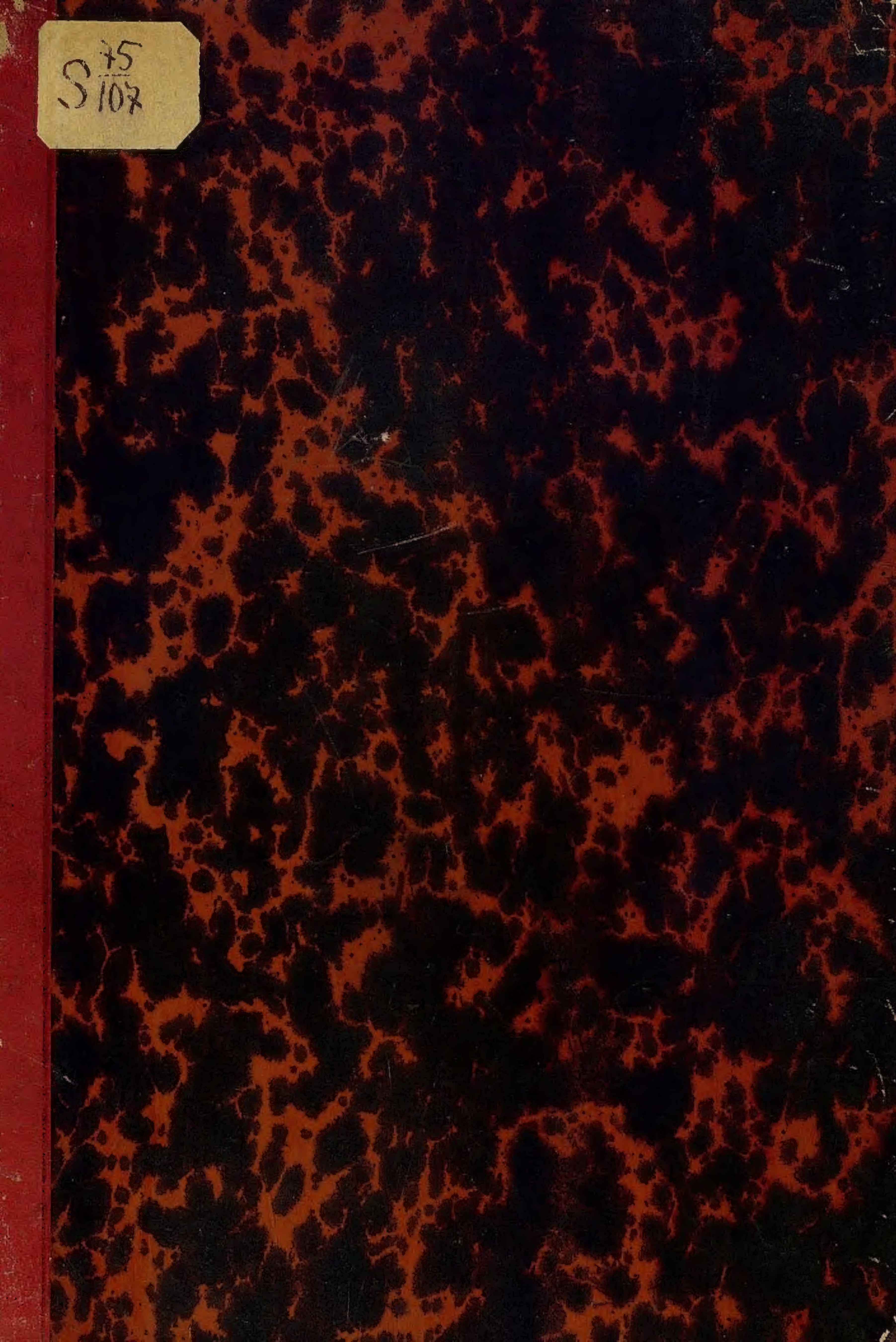
S 75/107

СЮЗЬМА.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Кн. Леонида Ухтомскаго.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Мая 1876 г.

Хромолитографія и Типографія В. Граціанскаго, Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, № 46.

СЮЗЬМА.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Лѣтомъ 1875 года, я имѣлъ случай прожить нѣсколько недѣль въ деревнѣ Сюзьмѣ, архангельской губерніи и уѣзда, и ознакомиться съ этимъ интереснымъ мѣстечкомъ.

Сюзьма—это бѣдная приморская деревушка, расположенная на берегу Бѣлаго моря и отстоящая отъ Архангельска въ 80 верстахъ по онежскому почтовому тракту.

Сюзьма замѣчательна во первыхъ тѣмъ, что это единственное мѣсто на берегу Бѣлаго моря, гдѣ пользуются морскими купаньями.

Въ эту деревню я пріѣхалъ въ ранній сезонъ, въ концѣ мая мѣсяца, съ больною дамою, которой доктора посовѣтовали морскія ванны. Оказалось, что мы пріѣхали слишкомъ рано: суровый климатъ сѣвера сказывался на каждомъ шагу, деревья еще не покрылись листьями, трава едва пробивалась и въ лощинахъ лежалъ еще снѣгъ; небо было пасмурно и холодный вѣтеръ волновалъ свинцовое море. Квартира намъ была приготовлена въ одномъ изъ лучшихъ домовъ и оказалась помѣстительною, но безъ всякихъ удобствъ.

Вообще, впечатлѣніе было не веселое, что мы и высказали нашему хозяину. Онъ утѣшалъ насъ какъ могъ и замѣтилъ, что мы рано пріѣхали, что вообще посѣтители пріѣзжаютъ сюда мѣсяцемъ позже и потому, въ ожиданіи другихъ паціентовъ, намъ придется поскучать. Устроившись на новосельѣ, мы занялись леченіемъ. Мѣстные жители издавна лечатся морскими купаньями, но онѣ обратили на себя вниманіе образованнаго общества лишь съ 1830 г., когда купанье въ Сюзьмѣ исцѣлило одного безнадежно-больнаго, для излѣченія котораго медицина была безсильна. Съ тѣхъ поръ стали пріѣзжать въ Сюзьму многіе больные; вскорѣ поѣздка туда вошла въ моду и одно время столько бывало паціентовъ, что всѣ дома оказывались переполненными; такъ продолжалось лѣтъ 30, но потомъ стало все меньше и меньше посѣтителей и теперь Сюзьма почти забыта. Надобно полагать, что недостатокъ медицинскихъ пособій во время сезона и трудность сообщеній съ Архангельскомъ были причиною упадка морскихъ купаній въ Сюзьмѣ.

Докторъ Полонскій, посѣщавшій Сюзьму въ сезонъ 1853 г., въ своемъ трактатѣ о сюземскихъ водахъ, указывая на благотворное вліяніе морскаго воздуха, тамошней мѣстности и самыхъ условій жизни, утверждаетъ, что сюземскія морскія купанья могутъ приносить пользу не менѣе подобныхъ купаній въ другихъ моряхъ.

Дѣйствительно, цѣлебное свойство морскихъ купаній въ Сюзьмѣ несомнѣнно и весьма жаль, что они нынѣ оставлены; но нужно надѣяться, что современемъ найдутся предпріимчивые люди, которые устроятъ въ Сюзьмѣ удобное помѣщеніе, пригласятъ на сезонъ медика, учредятъ правильное и удобное сообщеніе съ Архангельскомъ и тогда Сюзьма оживетъ и расцвѣтетъ лучше прежняго и въ тоже время принесетъ облегченіе и изцѣленіе многимъ больнымъ.

Сказавъ о цѣлебности морскихъ купаній въ Сюзьмѣ, перейдемъ къ описанію Сюземской волости и образу жизни ея жителей.

Разсматривая домашній бытъ жителей Сюзьмы, ихъ нельзя назвать зажиточными, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ больше достатковъ, чѣмъ крестьяне внутреннихъ губерній.

Начать съ того, что близость Архангельска

даетъ поморамъ возможность имѣть много заработковъ поденьщиной.

По берегу Сюзьмы разбросано не мало плавнику и всякаго лѣсу, который выбрасывается моремъ, такъ что, повидимому, дровъ не приходится покупать.

Съ весны жители питаются морскою рыбою и каждый домохозяинъ имѣетъ свою лодку и свои снасти. Ловится камбала, селедка, навага и мелкая треска. Изъ морскихъ рыбъ не ѣдятъ только вьюна, потому что она змѣиной породы и плодится не икрою, а по мѣстному выраженію дѣтится и въ брюхѣ вьюна насчитываютъ до 40 дѣтенышей.

Часть пойманной рыбы вялятъ въ запасъ. Послѣ страды, въ августѣ мѣсяцѣ, промышляютъ семгу и охотятся на лѣсную дичь. Съ 1 октября промышляютъ нерпъ, а зимою охотятся на морскаго звѣря.

Къ сожалѣнію, всѣ эти заработки—случайные: выдаются года, когда бурныя погоды отгоняютъ отъ берега рыбу и морскаго звѣря; случается тоже, что и птицъ бываетъ мало въ лѣсахъ; а такъ какъ хлѣба родится въ поморьѣ недостаточно для пропитанія мѣстныхъ жителей, то поморы нерѣдко терпятъ нужду, входятъ въ долги и потому, для поддержанія благосостоянія жителей, необходимо поднять другія отрасли домашняго хозяйства: огородничество и скотоводство, которыя вѣрнѣе обезпечивали бы поморовъ. Скотоводство здѣсь въ самомъ плохомъ состояніи, не представляетъ предметовъ дохода, а существуетъ только для домашняго хозяйства.

Упомянувъ о скотоводствѣ, нужно сказать, что здѣсь лошади мелки и слабы. Скотъ тоже мелокъ и мясо его безъ вкуса по причинѣ плохаго корма и недостатка луговъ. Овцы мелки и шерсть у нихъ грубая. Зимою сѣномъ кормятъ только овецъ, а рогатый скотъ кормятъ мохомъ (ягелемъ). По словамъ поморовъ, ягель, выбранный въ одномъ мѣстѣ, выростаетъ черезъ 6 лѣтъ.

Изъ огородныхъ овощей въ Сюзьмѣ садятъ только картофель. Средній урожай его бываетъ самъ-четвертъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь могли бы произрастать и другія овощи.

При этомъ можно съ признательностію упомянуть о первомъ огородникѣ архангельской губерніи, крестьянинѣ ярославской губерніи ростовскаго уѣзда Василіѣ Свѣшниковѣ, который, за свои полезные труды, въ 1819 г. удостоился щедрыхъ наградъ отъ покойной императрицы Маріи Θеодоровны.

Теперь скажемъ о важнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства—хлѣбопашествѣ.

Статистика раздѣляетъ климатъ приморскихъ мѣстъ Бѣлаго моря по степени растительности на три полосы: сѣверную, среднюю и южную. Заливы двинскій и онежскій составляютъ южную полосу. Сюзьма находится въ южной полосѣ, гдѣ земледѣліе еще возможно, хотя здѣсь всходъ хлѣба и опаздываетъ противъ архангельскихъ посѣвовъ недѣли на двѣ.

Въ сюземской волости довольно воздѣланныхъ полей; жители пользуются также и расчисткою лѣсовъ съ правомъ пользоваться такимъ участкомъ въ продолженіи 40 лѣтъ. На этихъ поляхъ преимущественно сѣется ячмень, когда же поле одолѣютъ сорныя травы, тогда эта полоса бросается.

Разсчетъ на урожай бываетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ раньше бываетъ сдѣланъ посѣвъ,—слѣдовательно все дѣло въ томъ, чтобы скорѣе приготовить поле съ весны. Ячмень сѣютъ обыкновенно въ концѣ мая, а рожь въ концѣ іюля.

Для урожая не менѣе важно хорошее удобреніе; если есть средства, кладутъ возовъ 20 навоза на четверикъ сѣмянъ; такое сильное удобреніе необходимо для тощей почвы поморья, иначе растеніе не успѣло бы развиться и созрѣть. По недостатку навоза, удобряютъ поля торфомъ и тундрою[1]); обыкновенно тундру кладутъ на поля сырою; гораздо полезнѣе было бы ее предварительно просушить и пережечь и полученною золою удобрять поля. Было бы еще лучше удобрять поля костями морскихъ звѣрей. Теперь же поморами вырѣзается изъ морскихъ звѣрей только одно сало, а остальное они бросаютъ и такимъ образомъ безполезно пропадаютъ тысячи пудовъ костей, которыя бы могли

[1]) Тундру можно назвать недозрѣлымъ торфомъ.

быть употреблены съ пользою для земледѣлія. Слѣдовательно, при удобренной почвѣ можно вполнѣ разсчитывать на урожай.

Вопросъ объ унаваживании почвы тѣмъ важнѣе для поморовъ, что, по статистическимъ свѣдѣніямъ, за послѣдніе 10 лѣтъ въ сюземской волости былъ только одинъ неурожай, именно въ 1867 г. — когда хлѣбъ убило морозомъ на корню [2]).

Чтобы предохранить жатву отъ раннихъ морозовъ, ячмень жнутъ обыкновенно раньше и снопы незрѣлаго ячменя развѣшиваютъ на изгородяхъ; повисѣвъ такимъ образомъ 2—3 недѣли, зерно дозрѣваетъ; средній урожай хлѣба бываетъ самъ—4-тъ; съѣдается же его вдвое больше, слѣдовательно приходится постоянно прикупать и потому, для предупрежденія дефицита, необходимо всевозможными мѣрами поддержать экономическое благосостояніе поморья, которое къ сожалѣнію постоянно падаетъ, что подтверждаетъ и статистика архангельской губерніи.

Такое обѣдненіе жителей равномѣрно гнететъ и сюземскую волость; такъ, на этой волости, состоящей изъ 450 ревизскихъ душъ, въ настоящее время числится долгу 17,227 р. [3]).

II.

Ознакомившись нѣсколько съ экономическимъ положеніемъ жителей Сюзьмы, мнѣ хотѣлось поближе познакомиться съ бытомъ поморовъ, и вотъ однажды, найдя надежнаго проводника, я пустился въ путь.

Изъ Сюзьмы мы вышли рано утромъ; погода была отличная; пройдя деревню, мы поднялись въ гору и пошли между зеленѣющими пожнями.

«Вотъ тутъ — сказалъ проводникъ — года два тому назадъ, медвѣдь задралъ лошадь; впрочемъ теперь медвѣди стали потише, потому что людно лѣтомъ-то, а то ихъ много въ нашихъ мѣстахъ, довольно тоже здѣсь и лисицъ и волковъ и дикаго оленя; послѣдніе впрочемъ нынѣ напуганы и подались отъ насъ въ шалгу [4]); на этихъ звѣрей мы охотимся зимою, однако медвѣдя предпочитаемъ не трогать до марта мѣсяца, тогда у медвѣдя шерсть бываетъ полная».

За пожнями дорога идетъ лѣсомъ, а съ лѣвой стороны красиво извивается рѣчька Сюзьма; при заворотахъ дороги открываются очень живописные виды; множество разнообразныхъ растеній и цвѣтовъ останавливаютъ вниманіе путешественника и, всматриваясь, между ними находишь много портулаковыхъ растеній свойственныхъ солончаковой почвѣ. Эти растенія, пересаженныя въ сады и теплицы, навѣрное обратили бы на себя вниманіе любителей ботаники.

Въ лѣсу была полная тишина, только комары и овода кусали насъ немилосердно. «Гдѣ же дичь, которой у васъ такъ много? — спросилъ я проводника». — «Дѣйствительно, дичи бываетъ у насъ много, — отвѣчалъ онъ, — только живетъ она подальше въ лѣсу и то годами. Богъ дастъ, окончивъ страду, пойдемъ на охоту; начнемъ бить рябцовъ, тетеревей и куроптей; тогда уже начнется перелетъ птицы; и полетитъ она и день и ночь; вотъ бы сегодня набилъ дичи на одномъ мѣстѣ, завтра приходимъ туда же—и опять ее много. Значитъ перелетъ начался, и куда она летитъ, Богъ ее знаетъ! одно замѣтили мы: что летитъ она всегда вдоль морскаго берега и не всегда одинаково въ одну и ту же сторону, а годами—когда въ право, а когда и въ лѣво. Всѣ эти птицы отъ насъ улетаютъ; ужъ на что синица ледащая птица, и та улетаетъ; а смотришь весною, къ Благовѣщенью, всѣ начнутъ собираться; кажется и ѣсть нечего—зима, а онѣ ужъ летятъ въ числа, указанныя Богомъ, и первымъ за всегда прилетаетъ лебедь. Зимою же въ поморьѣ только и держится одна птица — черная чайка, должно быть самцы, и всегда она жи-

---

[2]) Лѣтомъ 1867 г., ранними морозами истреблено было посѣвовъ на пространствѣ 110 десятинъ, на сумму девять тысячъ рубл.

[3]) Недоимокъ состояло на сюземской волости къ 1 января 1875 г.: 1) казенныхъ 3,383 р. 64½ к.; 2) за хлѣбъ, розданный въ ссуду до 1866 г., состоитъ долгу 10,890 р. 80¼ к.; уплата этого долга разложена по 50 коп. на каждую ревизскую душу; и 3) за розданный въ ссуду хлѣбъ послѣ 1866 г. волость задолжала 2,952 р. 75½ к.; итого образовалось недоимки 17,227 р. 20¼ к.

[4]) Шалгою называются безконечныя болота, которыя проходимы только зимою.

ветъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ морскаго звѣря бьемъ,—выбросками, значитъ, питается».

Онежская почтовая дорога, извиваясь лѣсомъ, приблизила насъ къ порогамъ рѣки; зная, по описанію, что въ порогахъ р. Сюзьмы ловится жемчугъ, я упросилъ проводника пробраться къ порогамъ рѣки и попытать счастья; но проводникъ увѣрилъ меня, что это будетъ напрасный трудъ, что дѣйствительно, когда-то въ старину ловили въ рѣчкѣ жемчугъ, но только не на этихъ порогахъ, а дальше вверхъ по рѣкѣ, верстъ за 50, и что промыселъ этотъ производился такимъ образомъ: выжидали спада весеннихъ водъ; когда теченіе становилось самое кроткое и когда можно было видѣть дно рѣки, тогда устраивали прорѣзной плотъ и высматривали движеніе жемчужныхъ раковинъ; самыя же раковины брали особыми разщепами, вскрывали ихъ по окончаніи лова; при удачномъ ловѣ случалось поймать за разъ штукъ 50, только оказывалось много пустыхъ.

По словамъ проводника, въ Сюзьмѣ было только два ловца жемчуга и они держали свой промыселъ въ тайнѣ; въ настоящее же время, этотъ промыселъ брошенъ поморами, какъ убыточный; однако еще недавно одинъ старикъ нарочно ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобы продать три крупныя жемчужины, добытыя имъ въ рѣчкѣ.

Нынѣ этимъ промысломъ занимаются только одни кемляне и разъѣзжаютъ они по верховьямъ рѣчекъ, отъискивая жемчугъ; эти промышленники были на рѣчкахъ Сюзьмѣ и Солзѣ лѣтъ 5 тому назадъ и больше не пріѣзжаютъ, вѣроятно потому, что жемчугу тамъ не нашли.

Очень жаль, что жемчужный промыселъ изсякъ въ поморьѣ, и видно, что онъ изсякъ вслѣдствіе неразсчетливаго лова, хотя и изданы были указы императора Петра Великаго и императрицы Екатерины II, въ которыхъ было предписано, какъ должно обращаться съ пойманными раковинами, чтобы этотъ промыселъ процвѣталъ и развивался,—именно предписывалось осматривать раковины, не разрывая, и еслибы при осмотрѣ оказалась маленькая жемчужина, то велѣно было такія недозрѣлыя раковины бросать назадъ въ рѣку.

Пройдя еще версты двѣ, мы потеряли изъ виду рѣчку и пошли торфянымъ болотомъ; кое гдѣ это болото было прорѣзано дождевыми ручьями и такимъ образомъ перерѣзанный слой торфа мѣстами имѣлъ толщины съ лишкомъ сажень и изъ этого пласта торчали засохшіе и поломанные деревья. Спустившись въ оврагъ и разсматривая земляные пласты, я нашелъ, что ниже торфа идетъ слой ила, перемѣшаннаго съ желѣзнымъ колчеданомъ; поэтому надобно полагать, что желѣзный колчеданъ, разлагаясь, дѣлаетъ желѣзистыми всѣ рѣки поморья, не исключая и многоводной рѣки Сѣверной Двины.

Перейдя торфяное болото, мы спустились къ морю и уставъ идти сыпучимъ пескомъ, остановились отдохнуть около какихъ-то заброшенныхъ построекъ. Оказалось, что это былъ соловаренный заводъ Никитина. При заводѣ нашелся сторожъ, который вызвался показать намъ все его устройство. Заводъ остановленъ 5 лѣтъ тому назадъ. Главное основаніе его составляетъ большая плоская сковорода, собранная изъ котельнаго желѣза; на эту сковороду наливалась морская вода, снизу затапливалась печь; медленнымъ жаромъ выпаривалась вода и получалась соль. Видно, что все это было устроено грубо и не хозяйственно.

При заводѣ полагалось 4 человѣка рабочихъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ ежедневно начерпать въ чанъ по 350 ковшей морской воды; ковшъ съ оковкою вѣсилъ 1 пудъ. Эти же рабочіе очередовались день и ночь при топкѣ печи, они же должны были рубить и носить дрова, а дровъ сжигалось въ сутки до 3-хъ куб. саж. За всю эту тяжелую работу они получали только по 8 р. въ мѣсяцъ, на своихъ харчахъ! Кажется заработокъ малъ и работа тяжела, однако поморы жалѣютъ объ уничтоженіи завода, потому что онъ кормилъ окрестныхъ жителей. На заводѣ Никитина вываривалось соли ежедневно отъ 40 до 50 пудовъ.

Варка соли производилась съ іюля мѣсяца

по апрѣль; въ это время года морская вода по солинометру показывала $2^{1}/_{2}{}^{0}$; въ сильные же жары крѣпость разсола доходила до $3^{0}/_{0}$[5]); весною же морская вода была прѣсновата и потому заводу невыгодно было продолжать работу. Конечно, если бы такой заводъ былъ построенъ на мурманскомъ берегу и именно тамъ, гдѣ теплое теченіе подходитъ къ берегу, то приносилъ-бы гораздо больше дохода. Говорятъ, что соль бѣломорскихъ заводовъ цѣнилась выше заграничной (шпанки) и заводы эти приносили доходъ своимъ владѣльцамъ; но съ наложеніемъ попенныхъ денегъ на дрова, по 60 к. съ куб. саж., и со взысканіемъ акциза по 10 коп. съ пуда вываренной соли, заводы прекратили свои дѣйствія; хотя въ 1870 г. и была имъ дана 5-ти лѣтняя льгота отъ взноса акциза, но и это ихъ не подняло.

Отдохнувъ, мы продолжали свой путь. Дорога пошла въ гору по сыпучему песку; пройдя версты двѣ, мы остановились въ бѣдной деревушкѣ «Красная гора». День былъ праздничный и весь народъ толпился на улицѣ; въ собравшейся толпѣ мы обратили вниманіе на одного старика, который двигался еще довольно бодро; оказалось, что ему было 90 лѣтъ; по словамъ проводника, въ поморьѣ люди часто доживаютъ до глубокой старости.

Въ деревнѣ осматривать было нечего, кромѣ незначительной водяной мельницы, которая только что была пущена. Мельница эта была объ одномъ поставѣ и въ то время не работала по недостатку воды; она обмолачиваетъ только своихъ односельцевъ и работы въ годъ бываетъ едва на 1 мѣсяцъ; за помолъ берутъ 12 коп. съ четверти; хозяинъ мельницы истратилъ на ея устройство 200 р. и надѣется выручить свои деньги года въ 2—3.

Время было позднее и потому мы остались ночевать въ деревнѣ. Не успѣли мы напиться чаю, какъ ко мнѣ начали являться больные за совѣтомъ и за лекарствомъ; сначала приносили дѣтей, покрытыхъ сыпями и струпьями; видно, что дѣти поморовъ вообще очень слабы, да и по статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что ихъ не мало умираетъ отъ простуды и отъ эпидеміи; такъ, въ одной сюземской волости въ 1874 г. изъ 92 дѣтей, заболѣвшихъ натуральною оспою, умерло 44. Вслѣдъ за дѣтьми явились къ намъ и другіе больные, но къ сожалѣнію мы ничѣмъ не могли имъ помочь.

Коснувшись общественнаго здравія въ поморьѣ, приходится привести свидѣтельство Пошмана (1801 г.), который говоритъ, что болѣзни поморовъ преимущественно простудныя и желудочныя, что въ поморьѣ круглый годъ бываютъ простудныя и желчныя лихорадки, желчныя воспаленія и запоры; также страдаютъ колотьями, одышкой и глистами; послѣдняя болѣзнь такъ обыкновенна здѣсь, что поморы увѣрены, что въ каждомъ человѣкѣ есть глисты; Пошманъ приписываетъ эти болѣзни отчасти суровому климату и отчасти дурной пищѣ, состоящей изъ соленой рыбы и изъ хлѣба, попорченнаго морозомъ, — при отсутствіи овощей; поморки же подвержены истерическимъ припадкамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Пошманъ, прошло 75 лѣтъ и санитарное положеніе поморья не улучшилось, развѣ ухудшилось, такъ какъ въ послѣднее время поморы обнищали.

На другое утро мы встали пораньше, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ Пертоминскій монастырь, до котораго оставалась еще добрая станція. Спустившись съ горы, мы пошли по берегу моря; отъ мыса, называемаго «Лѣтній наволокъ», своротили въ лѣво и пройдя версты три лѣсомъ, увидали монастырь. Говорятъ, что Пертоминская пустынь нынѣ обѣднѣла, потому что мало посѣщается богомольцами; завернетъ сюда развѣ бѣднякъ, у котораго нѣтъ рубля на проѣздъ въ Соловки, а въ прежнее время бывало не такъ: всѣ богомольцы, направляясь въ Соловецкій монастырь, ходили на поморскихъ лодьяхъ и по дорогѣ заходили помолиться въ Никольскій монастырь, въ Пертоминскій и въ Воскресенскій; но съ тѣхъ поръ какъ завелись пароходы, весь народъ пере-

[5]) По дорогѣ изъ Сюзьмы въ Архангельскъ, существуетъ «нынѣ» къ посадѣ Ненокса соловаренный заводъ, гдѣ разсолъ добывается изъ соляныхъ колодцевъ. Крѣпость этого разсола бываетъ отъ 9 до 10°.

ѣзжаетъ прямо въ Соловецкъ—минуя эти обители; вслѣдствіе чего и монастыри поморскіе обѣднѣли, да и поморы лишились заработка по недостатку пассажировъ.

Это совершенно справедливо, но за то можно порадоваться за богомольцевъ, которые имѣютъ теперь возможность совершать этотъ путь скоро и удобно, на соловецкихъ пароходахъ; въ то-же время богомольцы избавились отъ тѣхъ мученій, которыя имъ приходилось выдерживать, идя на поморскихъ лодьяхъ. Переходъ этотъ продолжался недѣли по двѣ по три; да и самыя лодьи плохо снаряженныя, не рѣдко терпѣли крушеніе.

Подойдя къ Пертоминскому монастырю,—удивляемся, что онъ не имѣетъ крѣпостнаго вида, подобно всѣмъ монастырямъ сѣвера; напротивъ, онъ имѣетъ скорѣе видъ большой фермы, которая огорожена палисадомъ. Пертоминскій монастырь основанъ въ концѣ XVI столѣтія. Обстоятельства, предшествующія основанію монастыря, были слѣдующія:

Игуменъ Соловецкій Филлипъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), воздвигая въ обители каменные храмы, имѣлъ нужду въ строительныхъ матеріалахъ, которые и были привозимы съ приморскаго берега на монастырскихъ судахъ.

1 іюня 1561 г., плыли изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь 15 судовъ, нагруженныхъ известью; когда флотилія эта вышла въ море, поднялась сильная буря и суда были разбросаны и потоплены; при этомъ погибло много народа и въ томъ числѣ утонули ученики игумена Филлипа: преподобные Вассіанъ и Іона; тѣла ихъ были выброшены на берегъ въ Унской губѣ и вскорѣ на этомъ мѣстѣ устроился Пертоминскій монастырь. Въ настоящее время онъ числится второкласнымъ и имѣетъ двѣ церкви: одну во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, а другую во имя Преображенія Господня. Обрѣтеніе мощей преподобныхъ Вассіана и Іоны, празднуется 5 іюня.

Въ лѣтописи Россіи Пертоминская пустынь памятна тѣмъ, что въ 1694 г. Петръ Великій, застигнутый бурею на пути изъ Соловецка въ Архангельскъ, нашелъ убѣжище въ этомъ монастырѣ. Пробывъ здѣсь три дня, онъ своими руками устроилъ огромный деревянный крестъ, съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ: «Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ лѣто 1694 г.».—Крестъ былъ поставленъ на берегу и впослѣдствіи перенесенъ въ Архангельскъ.

Въ память своего пребыванія въ обители, Петръ приказалъ построить для монаховъ, на казенный счетъ, каменныя кельи и ограду съ башнею на углу, что и было устроено черезъ 2 года послѣ царскаго указа. Но теперь нѣтъ и слѣда каменной ограды и башни.

Выйдя изъ церкви, я выразилъ желаніе видѣть настоятеля, чтобы принять его благословеніе; пока монахъ ходилъ къ нему мы поднялись на колокольню, чтобы полюбоваться оттуда прекраснымъ морскимъ видомъ: Унская губа врѣзалась въ материкъ и имѣла видъ широкой рѣки, окаймленной лѣсистыми холмами; кое-гдѣ виднѣлись скалы, а дальше тянулась тундра; кругомъ все было мертво, только стадо великолѣпныхъ оленей отдыхало на монастырскомъ дворѣ и тѣмъ оживляло эту полярную картину.

«Кажется, сегодня праздничный день, а въ церкви прихожанъ никого не было, кромѣ братіи да монастырскихъ рабочихъ; чѣмъ объяснить это»?—спросилъ я проводника.—«Не знаю, какъ теперь,—отвѣчалъ онъ—а прежде пертоминскіе монахи были лѣнивы молиться Богу; вотъ хоть-бы со мною былъ случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ: возвращались мы съ русскаго берега, погода поднялась такая, страсть! мы зашли отстояться въ Унскую губу; это было подъ самое Успенье; вотъ слышимъ благовѣстятъ къ вечернѣ,—мы сейчасъ на лодку и въ монастырь, чтобы поблагодарить Бога за спасеніе отъ гибели; только мы подходимъ къ паперти, а монахъ къ намъ на встрѣчу спускается съ колокольни. Воротитесь,—говоритъ—православные домой, мы только такъ позвонили, а за насъ ангелы молятся на небесахъ. Такъ мы и воротились. Можетъ быть съ другими богомольцами случалось такъ не разъ;

вотъ и перестали ходить въ монастырь; вѣдь другому приходится идти не одинъ десятокъ верстъ, да и воротиться не молясь Богу— обидно; а то какъ бы не быть богомольцамъ? тутъ по сосѣдству есть большія селенія! На поморовъ жаловаться нельзя; мы бы и сами рады помолиться въ праздникъ, да негдѣ. Вотъ хотьбы взять для примѣра нашу Сюзьму; церковь у насъ есть, а священникъ живетъ въ другомъ селѣ за 12 верстъ и пріѣзжаетъ онъ служить только въ храмовой праздникъ. Вотъ по воскресеньямъ позвонятъ, церковь отопрутъ, соберутся православные, и если найдется грамотный,—почитаетъ молитвы, а то и такъ разойдутся по домамъ. Да на дняхъ у насъ былъ случай: день былъ праздничный; послѣ благовѣста входитъ въ церковь одинъ заѣзжій хозяинъ [6]); смотритъ—церковный староста зажигаетъ свѣчи передъ мѣстными иконами; а кто-же служить будетъ? спрашиваетъ онъ старосту.—«Нынчеграмотнаго никого нѣтъ въ селеніи,—отвѣчалъ тотъ,—такъ и служить некому. Видно хозяину скорбно стало за православныхъ, онъ говоритъ: «въ другой разъ, какъ соберутся въ церковь и какъ некому будетъ читать,—пришли мнѣ сказать,—я почитаю». Вотъ на слѣдующее воскресенье весь народъ собрался въ церковь; дали знать хозяину, что просятъ его читать молитвы; пришелъ онъ и почиталъ молитвенникъ; такъ ужъ какъ мы его благодарили за это! ужъ и сказать не умѣю. Вѣдь это по нашему запустѣніе, а раскольникамъ на руку, поэтому они надъ нами и потѣшаются, да смущаютъ православныхъ. Нынѣ старики радуются, что старовѣрству дали льготу, «такъ что есть возможность переходить изъ мірской — въ настоящую». Переходъ этотъ случается всячески; чаще же происходитъ это такимъ образомъ: молодые вѣнчаются въ церкви и первые года 3—4 ходятъ въ церковь, исповѣдываются и причащаются какъ и всѣ православные, а потомъ по-маленьку отстаютъ и возвращаются къ старымъ обрядамъ, и дѣтей, конечно, крестятъ по старому.—Такіе-то дѣла, что дѣлать! будемъ молиться Антонію милостивому, чтобы онъ вразумилъ заблуждающихся и нерадивыхъ къ дѣлу вѣры».

Въ это время вернулся къ намъ послушникъ и пригласилъ меня къ настоятелю; послѣдній принялъ меня весьма радушно, называя рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ, и послѣ обильной трапезы, предложилъ посмотрѣть монастырское хозяйство. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и подробно осмотрѣлъ всѣ хозяйственныя заведенія, которыя были въ отличномъ порядкѣ. — Пертоминская пустынь имѣетъ, кромѣ озеръ и морскихъ промысловъ, много полевыхъ угодій; нельзя не упомянуть при этомъ объ искуственныхъ лугахъ, которые скашиваются по два раза въ лѣто. Эти луга образовались на мѣстѣ озера, которое было спущено монахами; пустынь для своего обширнаго хозяйства держитъ до 70 штукъ рогатаго скота и 9 рабочихъ лошадей.

Честь расширенія монастырскаго хозяйства принадлежитъ покойному настоятелю Апполонію; до него же хозяйство это было ничтожно.

По монастырскимъ книгамъ видно, что съ 1869 г. сѣютъ: ячмень, рожь и немного овса; изъ огородныхъ овощей, сажаютъ: картофель, брюкву, морковь, рѣдьку, лукъ, капусту и (въ парникахъ) огурцы.

Урожай хлѣба бываетъ самъ четвертъ; такъ, напримѣръ, въ 1870—1874 годахъ, было посѣяно ржи 323 пуд. 27 фунт., а снято 1761 п. 8 ф.; ячменя было посѣяно 149 п. 8 ф., снято же 666 п. 30 ф., яровое сѣютъ въ маѣ, а озимь въ іюлѣ; жатва бываетъ въ августѣ; на овесъ, картофель и капусту иногда бываетъ неурожай; причину его относятъ въ глинистой почвѣ, холоднымъ вѣтрамъ и частію къ засухѣ; кромѣ того самый незначительный морозъ губитъ всѣ кормовыя растенія, хлѣбныя сѣмена часто не доходятъ и становятся негодными для посѣва,—словомъ сельское хозяйство монастырю въ убытокъ.

Такъ какъ своего посѣва бываетъ недостаточно, то монахи ежегодно прикупаютъ до тысячи пудовъ муки.

[6]) Поморье, не знавшее крѣпостнаго права, не знаетъ слова баринъ, а замѣняетъ его словомъ хозяинъ.

Рабочихъ для уборки сѣна и хлѣба нанимается на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 25 человѣкъ; въ прежніе года такому рабочему платилось 30 и 35 руб. въ лѣто, а нынѣ платятъ 40 и 45 р. и весьма вѣроятно, что цѣны эти будутъ возрастать ежегодно. Работницъ нанимается для уборки хлѣба и овощей до 15, по 18 р. въ лѣто, тогда какъ прежде имъ платилось по 10 р.

Сверхъ того пустынь содержитъ зимою: 10 человѣкъ рабочихъ, съ платою по 5 р. въ мѣсяцъ для рубки и возки дровъ и для другихъ хозяйственныхъ работъ и 8 работницъ съ платою по 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ на скотный дворъ и въ прачешную. Всѣ эти рабочіе на монастырскихъ харчахъ.

Причину возвышенія цѣнъ на рабочихъ относятъ къ тому, что поморы нанимаются за высокую плату на морскіе промыслы. Кромѣ того, цѣны возвышаются въ случаѣ удачныхъ сельдяныхъ промысловъ въ онежскомъ уѣздѣ; такъ зимою 1874 г., говорятъ, что сельдяной промыселъ въ селѣ Покровскомъ былъ такъ прибыленъ, что на каждаго человѣка пришлось послѣ улова отъ 100 до 120 р.

При такихъ быстрыхъ повышеніяхъ заработной платы, пустынь вынуждена сокращать число рабочихъ, или исполнять часть работъ монахами, такъ какъ здѣсь 30 человѣкъ монашествующихъ. Но это оказывается невозможнымъ, потому что многіе изъ братіи столь дряхлы, что ни къ какой работѣ не способны; правда, въ пустыни есть нѣсколько человѣкъ богомольцевъ, которые идутъ, обыкновенно, на годъ безплатными работниками, по обѣщанію: ихъ было бы удобно употреблять на работы, но церковный уставъ требуетъ столько лицъ, что и эти послушники заняты разными послушаніями, смотря по способности каждаго.

Между такими послушниками мой проводникъ встрѣтилъ односельца, который удалился въ пустынь, чтобы духовно утѣшиться послѣ понесенныхъ имъ потерь. Это былъ когда-то человѣкъ состоятельный и предпріимчивый, а теперь почти разорился. Однажды онъ скупилъ рябчиковъ и повезъ большую партію ихъ въ Петербургъ; къ несчастію, часть товара погнила дорогою, да и цѣны упали въ столицѣ, такъ что потеря вышла большая: вскорѣ послѣ того его судно погибло въ морѣ и вслѣдъ за тѣмъ, къ довершенію горя, обанкротился его кредиторъ, который жилъ въ Норвегіи, и бѣднякъ при этомъ потерялъ послѣднія деньги—7000 руб.

Прощаясь съ Пертоминскимъ монастыремъ, помянемъ его добрымъ словомъ за то, что въ голодный годъ (въ 1867 г.), онъ не отказывалъ несчастнымъ въ кускѣ хлѣба, а нужда поморовъ въ то время была такъ велика, что изъ Сюзьмы (за 35 верстъ) ходили въ монастырь для того только, чтобы принять ломоть хлѣба и отнести его своей голодающей семьѣ.

III.

Изъ Пертоминской пустыни мы пошли обратно въ Сюзьму; подъ «Лѣтнимъ наволокомъ» своротили къ морю и черезъ полчаса ходьбы остановились около флотиліи карбасовъ, которые ошвартовились у берега, а гребцы сидѣли на берегу и варили себѣ обѣдъ; это были поморы дальнихъ деревень: Лапшенги, Яренги и друг.; они возвращались изъ Архангельска съ запасами разныхъ припасовъ. Карбасы эти были легкіе и безпалубные и поморы смѣло пускаются на нихъ въ открытое море верстъ за 200 и далѣе; по мѣстному обычаю, на этихъ карбасахъ гребцами были женщины. Мы остановились около карбасовъ и поздоровались съ проѣзжими; оказалось, что всѣ они были или родственники или знакомые моего проводника. Сейчасъ же начались взаимные разспросы о новостяхъ. При этомъ мы узнали, между прочимъ, что въ Архангельскѣ была сильная буря, поломавшая много поморскихъ судовъ, а одну шкуну совсѣмъ, по мѣстному выраженію, упружило (опрокинуло); однако судно удалось поднять и спасти часть команды, но два человѣка утонули. «Много гибнетъ нашихъ поморовъ на судахъ—со вздохомъ замѣтилъ проводникъ,—вотъ и тутъ лежатъ обломки разбитаго судна; оно погибло здѣсь (подъ Лѣтнимъ волокомъ) три года тому назадъ. Случилось это подъ самую Троицу; судно было Труфанова и шло изъ деревни Малошуйки въ Архангельскъ; хозяинъ-то ѣхалъ

Видъ Сюзьмы.

По рисунку, сообщ. кн. Ухтомскимъ; рис. на камнѣ И. Борель.

«ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ», Т. II, 1876 г.

Дозволено цензурою. Спб., 23 апрѣля 1876 г. Литографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

Бѣломорскіе промышленники.

Съ рисунка, доставленнаго кн. Л. Ухтомскимъ. Рисов. Н. Лосевъ; рѣз. на деревѣ А. Шлиперъ.

«ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ», Т. II, 1876 г.

Дозволено цензурою. Спб., 28 апрѣля 1876 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

горою, т. е. почтовымъ трактомъ, а хозяйка шла на суднѣ; поднялась погода, судно разбило и ни одинъ человѣкъ не спасся! Хозяинъ-то и не зналъ своего горя и вскорѣ ушелъ на другомъ суднѣ изъ Архангельска въ Норвегію и ужъ воротившись оттуда узналъ, что онъ вдовецъ. Тоже въ 3 году, подъ осень, около Сюзьмы разбило кочмару,—шла она съ русскаго берега въ Архангельскъ: наши спасли 4 человѣкъ, а судно и грузъ погибли и потери было тысячи на полторы. Въ прошломъ году тоже 7 поморскихъ шкунъ упружило у русскаго берега и ни одинъ человѣкъ не спасся! Сей годъ, надобно благодарить Бога, пока благополучно; недавно одинъ хозяинъ сюземскій телеграфировалъ изъ Вассина (Норвежскій городъ Вадсэ), что съ весны рыба дешева тамъ и что съ поморскими судами никакихъ несчастій не было; однако весенними бурями много упружило норвежскихъ карбасовъ. Много, много нашихъ гибнетъ,—заключилъ поморъ,—и какъ поднимается погода, такъ и жди дурныхъ вѣстей».

Карбасы стали отваливать, торопясь воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, а мы пошли дальше, поспѣшая въ Сюзьму и полагая, что ничто больше не задержитъ насъ дорогою; однако случилось иначе. Подходя къ деревнѣ, мы увидали на берегу оживленную толпу, которая суетилась около большой рыбы; съ нее срѣзали пластами сало и грузили на повозку; намъ разсказали, что одна поморка нашла прибитую къ берегу уснувшую бѣлуху, которую теперь и потрошили; любопытно было смотрѣть на это чудовище: бѣлуха была длиною до 5 аршинъ, съ бѣлой блестящей кожей; говорятъ, что кожа молодыхъ бѣлухъ бываетъ сизаго цвѣта. Изъ пойманной бѣлухи вынули при насъ пудовъ 12 сала; полагаютъ, что еслибы эта бѣлуха была убита осенью, то вѣроятно изъ нея былобы добыто сала пудовъ 20; обыкновенно, бѣлухъ промышляютъ нѣсколько ближе къ Архангельску, именно при устьѣ р. Солзы, гдѣ на отмѣлый берегъ онѣ выходятъ стадами грѣться на солнцѣ. Ихъ ловятъ неводомъ, и жители деревни Солзы вылавливаютъ въ лѣто до 90 штукъ. Промыселъ бѣлухъ продолжается съ весны до Петрова дня; можно бы продолжать промыселъ и до осени, но приходится бросать всѣ работы и спѣшить на страду. Изъ каждой бѣлухи добываютъ сала среднимъ числомъ пудъ 20.

Цѣна на сало была прежде 3 руб. пудъ, но въ послѣдніе года упала до 2 р. 40 к.; причину упадка цѣны относятъ къ устройству китоловнаго завода Фойна въ Вадсэ.

Изъ путешествія Палласа по Россіи въ 1773 г. видно, что изъ тюленьяго жира выдѣлывали въ Казани особое мыло подъ названіемъ казанскаго; этимъ мыломъ отлично мылись шерстяныя ткани. Очень жаль, что производство этого мыла не коснулось поморья,—оно значительно подняло бы цѣнность сала морскихъ звѣрей.

Извѣстно также, что кочующіе народы искусно выдѣлываютъ домашнюю посуду и чайники изъ конскихъ и воловьихъ кожъ; шкуры морскихъ звѣрей были бы еще пригоднѣе для таких подѣлокъ. Оба эти производства, конечно, еще больше подняли-бы доходъ морскихъ промысловъ.

Поморы, разсказывая мнѣ о ловлѣ бѣлухъ, незамѣтно перешли къ морскимъ промысламъ вообще; нужно замѣтить, что это любимая охота поморовъ. Какъ мы замѣтили выше, морскіе промыслы начинаются съ осени; въ то время тюлени и нерпы идутъ вдоль западнаго берега Бѣлаго моря, слѣдуя за стадами мелкой рыбы (сайды, сельдей и друг.); такъ продолжается до Срѣтенія (2 февраля); тогда звѣрь, почуявъ весну, уходитъ въ глубь океана плодиться. Промышленники преслѣдуютъ звѣря въ открытомъ морѣ, отъискивая его на льдинахъ; иногда ихъ уноситъ далеко въ море, гдѣ имъ приходится не мало страдать отъ голода и холода. Повидимому, лысунъ (тюлень) есть любимый звѣрь поморовъ; они разсказываютъ объ этомъ животномъ съ любовью и увлеченіемъ. По словамъ промышленниковъ, новорожденные лысуны живутъ сначала на льдинахъ, плавать не умѣютъ и даже боятся идти въ воду; такъ продолжается до Егорьего дня (23 апрѣля).

Найдя стадо тюленей на льдинѣ, къ нимъ подкрадываются, приближаясь съ подвѣтра, что-

бы звѣри не почуяли людскаго духа и не ушли бы. Взойдя на льдину, начинаютъ бить тюленей, метя ударить именно по посу; достаточно и незначительнаго удара, чтобы убить звѣря. «Ежели, примѣрно, убьешь дѣтеныша, — вмѣшался мой проводникъ, — то матка ни за что не отойдетъ отъ убитаго, будетъ биться около него и прикрывать его». — «Это не то, что нашъ братъ поморъ, — замѣтилъ одинъ изъ слушателей; — вотъ напримѣръ, когда англичанка приходила на насъ войною, захвати она тогда моего ребенка — не вступлюсь ни за что и все таки убѣгу въ лѣсъ».

Здѣсь сдѣлаемъ по этому поводу маленькое отступленіе. Опустошеніе береговъ поморья англичанами было самымъ крупнымъ явленіемъ въ жизни поморовъ въ послѣдніе 50 лѣтъ и потому они возвращаются къ этой эпохѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, и мнѣ не разъ случалось слышать о томъ, какъ въ послѣднюю войну, «англичанка» два года съ ряду разстрѣливала прибрежныя зданія наприм., Сосновскій маякъ, Сюземскую церковь и самую деревню. — «Бывало, какъ начнутъ стрѣлять, — говорилъ проводникъ, — мы съ испугу бѣгомъ въ лѣсъ, а скотъ деревенскій съ испуга бѣжитъ въ деревню; а непріятельскія лодки ужъ тутъ и начнутъ ловить скотъ да рѣзать, да забираютъ съ собою. Жалко было смотрѣть, какъ разхищалось наше добро, а тронуть не смѣли, и очень жаль, что не подстрѣлили мы у нихъ ни одного человѣка. Стрѣляемъ-то мы мѣтко, бѣлкѣ въ глазъ попадаемъ, а тутъ признаться боялись; вѣдь озлится врагъ и деревню сожгетъ, — еще хуже будетъ, а распоряженія сверху ни какого не было».... Разговоръ сдѣлался общимъ и трудно было слѣдить за разсказомъ о прошлой кампаніи; но такъ какъ меня весьма интересовали свѣдѣнія о морскихъ промыслахъ, то я и старался возобновить разсказы о нихъ. «Вѣрите ли, когда начинаешь тюленій промыселъ, — говорилъ одинъ изъ поморовъ, — такъ жалко бываетъ этихъ звѣрьковъ, что даже сердце обливается кровью! со мною было, не далеко ходить, какъ въ первые случилось промышлять: нашли мы тогда на льдинѣ 70 штукъ молодыхъ лысуновъ, дѣваться имъ некуда, въ воду боятся идти, а лѣзутъ въ кучу и прячутся другъ за дружку, потомъ начали выть, да такъ жалобно! и смотрятъ то на насъ такими испуганными глазами, какъ будто просятъ пощады, такъ что и у бывалыхъ рука не поднималась, а мы-то, новички, и совсѣмъ руки опустили; наконецъ надумались, стали укорять другъ друга въ трусости, да благословясь кто-то и началъ, за нимъ и мы пошли бить, да такая намъ вышла тогда удача, что въ одну воду по 80 штукъ набили на брата, это значитъ по 160 р. на каждаго! Хотя лысунъ и кроткій звѣрь, однако между ними есть презлющіе — называемъ мы такого звѣря **рявкуй**, потому что онъ особеннымъ манеромъ рявкаетъ; онъ будетъ поменьше другихъ и шкура у него пятнами. Мы такъ примѣтили, что это именно тѣ тюлени, которые, бывши щенятами, потеряли матку; они, какъ и прочіе щенята, первые три мѣсяца живутъ на льду, но пищи никакой не принимаютъ въ то время, и удивительное дѣло, что живутъ они только снѣгомъ; затѣмъ выросши, приплода не даютъ, а при тюленьихъ стадахъ состоятъ караульщиками. При облавѣ же, рявкуй бросается на промышленника, старается сбить его съ ногъ и нанести ему самую чувствительную рану, затѣмъ бросаетъ раненнаго и кидается на другаго человѣка; вотъ какой проклятый звѣрь»!

Нерпа (морской заяцъ), по словамъ поморовъ, звѣрь хитрый, котораго бить гораздо труднѣе, чѣмъ лысуновъ, и, промышляя на льдинахъ, поморы никогда еще не находили дѣтенышей нерпъ, потому что матка дѣлаетъ во льду продушины и переходы, куда и прячетъ маленькихъ.

«Морской промыселъ, дѣло выгодное, — замѣтилъ одинъ старикъ, — прежде посылалъ я старшаго сына промышлять и на Новую Землю, а теперь какъ женилъ его, такъ больше и не посылаю». — «Ежели это дѣло выгодное, такъ почему же вы его бросили?» — добивался я. — «Оно точно что хорошо бы посылать на Новую Землю, — отвѣчалъ старикъ, — да туда опасно ходить на поморскихъ шхунахъ, потому что наши суда малы и крѣпленіемъ слабы, а тамъ

самый прибыльный промыселъ бываетъ осенью, въ сентябрѣ; а послѣ покрова возвращаться съ Новой Земли опасно: погоды стоятъ въ то время бурныя, а ночи темныя; вотъ главная причина, почему мы бросили дальніе промыслы». — «Однако какъ вы полагаете, много ли ходитъ поморскихъ судовъ на Новую Землю?» — «Трудно сказать, умсньшается или увеличивается промыселъ на Новой Землѣ» — отвѣчалъ разскащикъ.

Надобно полагать, что весенніе промыслы на Новой Землѣ очень прибыльны, ибо есть желающіе оставаться тамъ на зиму для того, чтобы начать ранніе промыслы; остановка только за средствами, чтобы обзавестить судномъ, снастями и запасомъ [7]).

«Какъ же происходитъ самый промыселъ?» — спросилъ я. — «А такъ, снарядимся, запасемся хлѣбомъ, идемъ на карбасахъ въ море и выслѣживаемъ звѣря». — «И далеко случается уходить отъ берега?» — «А какъ Богъ приведетъ; мы-то старики были осторожны и отъ береговъ далеко не уходили; а вотъ молодые нынѣ стали порисковѣе, ходятъ очень далеко да и заноситъ ихъ въ океанъ на горе и на нужду великую. Вотъ съ нашими молодцами изъ Сюзьмы что случилось, немного годовъ тому назадъ: промышляли они звѣря подъ Терскимъ берегомъ, да вѣтромъ ихъ и оторвало въ океанъ; было ихъ 16-ть человѣкъ на 4-хъ промысловыхъ лодкахъ и носило ихъ по морю на льдинѣ 32 дня! и куда только не бросало ихъ! и къ острову Колгуеву и къ Новой Землѣ, и къ Карскому морю, — ужъ они отчаялись живыми быть, да Богъ сжалился и нашихъ несчастныхъ прибило наконецъ къ Тиманскому берегу за Пустозерскимъ». — «Почему же они знали, гдѣ Колгуевъ, гдѣ Новая Земля»? — спросилъ я. — «Какъ же не знать! Эти мѣста намъ хорошо знакомы; кромѣ того съ ними же были компасъ и карта, безъ которыхъ поморы не плаваютъ. Все это время, пока ихъ носило — продолжалъ разскащикъ, — берегу близко не было, да и воды не было видно, а все сплошной ледъ. Разъ поднялась буря, льдину ихъ изломало, чуть не погибли, однако Богъ спасъ, перебрались на другую, при этомъ только часть лодокъ потеряли и ружья и снасти; потомъ и это удалось спасти, унесло только дрова, не на чѣмъ варить было». — «Былъ ли между ними старшій, который всѣмъ распоряжался»? — «Какъ же, безъ этого на промыслахъ невозможно; вотъ въ одно время съ нашими ребятами бѣдствовала другая партія промышленниковъ и прибило ихъ льдомъ подъ Канинъ; четверо изъ нихъ старшаго ослушались, сняли съ него волю и самовольно начали пробиваться къ берегу; ужъ очень желательно имъ было попасть на землю. Только вышло худо: приливомъ ихъ прижало къ мели, попали въ бурунъ; двое-то добрались до берега и были приняты самоѣдами, а двоихъ залило взводнемъ. Видите-ли, старшій-то приказывалъ имъ обождать на льдинѣ прилива, а они не послушались». — «Чѣмъ же въ то время питались ваши странники»? — «Хлѣба съ ними оказалось маловато, такъ сдѣлали вѣски и хлѣбъ раздавали вѣсомъ; когда нужда увеличивалась, стали питаться оленьей мездрою, срѣзая ее съ малицъ; подъ конецъ стали ѣсть звѣриное мясо; теплое еще ничего, ѣсть можно, а какъ остынетъ — бѣда, претитъ: на вкусъ горькое и гадкое. Подъ пасху начался прилетъ птицъ; первою показалась чайка, стали ее приманивать на мертваго звѣря и бить изъ ружей и такимъ манеромъ настрѣляли съ сотню, да ѣсть не рѣшались, потому что пришлось это на страстной недѣлѣ — грѣшно; нужно было подумать и о смертномъ часѣ, а до него было не далеко, хотя ребята такъ отощали, что не могли двинуть ни рукой ни ногой». — «Какъ же они спали на льдинѣ»? — «Спать-то имъ было хорошо; вѣдь наши промышленники спятъ въ саняхъ и подъ олениной очень тепло спать, даже раздѣвшись спимъ; правда, что одѣваться бываетъ очень холодно; впрочемъ какъ съ утра протащишь лодку версты двѣ по льдинамъ, такъ скоро согрѣешься. Наконецъ Господь сжалился надъ стран-

[7]) При этомъ нужно замѣтить, что въ 1875 г. въ первый разъ пришли съ Новой Земли 5 поморскихъ судовъ въ Вардэ и продали тамъ свой промыселъ, находя это выгоднѣе, чѣмъ по обыкновенію отвозить свой грузъ въ Архангельскъ.

никами и прибило ихъ къ самому берегу за Печорою; добрались они до берега еле живы, а тутъ пришлось работать, и работать спѣшно, пока еще льдину не отнесло отъ берега; вотъ превозмогши себя, перетащили они все: багажъ, 4 лодки, снасти, сала пудовъ 200, да кожъ штутъ 70. Слава Богу, управились! отдохнули на берегу, значитъ, спаслись; еще хлѣба оставалось не много, а что дальше дѣлать—не знаютъ; ужъ и поплакали они не разъ! вѣдь попали они на самоѣдскую землю, боятся—убьютъ. Потолковавъ между собою, отдѣлили 2-хъ человѣкъ и послали ихъ съ ружьями на развѣдку; тѣ ходили, ходили, и наконецъ завидѣли самоѣдскій чумъ; пошли къ чуму, и, не доходя до него, бросили ружья, изъ боязни, чтобы не сочли ихъ за разбойниковъ; идутъ, а сами не знаютъ—къ доброму человѣку попадутъ или къ злому. Въ чумѣ нашли женщину съ малыми ребятами; порусски не знаетъ; спрашиваютъ гдѣ хозяинъ? показываетъ на море. Значитъ—ушелъ на промыселъ; вотъ наши усѣлись и какъ слѣдуетъ ждутъ хозяина; а сама-то захлопотала около печки, поставила варить мясо, да стала лепешки печь. Дождались хозяина, тотъ порусски говоритъ хорошо, обласкалъ нашихъ. Нужно замѣтить, что самоѣды вполнѣ хорошіе люди. Наши объясняютъ хозяину, что они люди заносные и просятъ помощи; самоѣдъ накормилъ ихъ, только ѣсть много не давалъ и водки не далъ, чтобы не объѣлись и не захворали, потомъ пригласилъ остальныхъ и тѣхъ накормилъ; на другой день запрегъ оленей и свезъ старшаго верстъ за 40 тоже къ самоѣдину, тамъ купили имъ муки; пожили наши здѣсь день, другой, перевели духъ, пора и до дому; нужно все забрать съ собою, однако рѣшились сало продать въ Пустозерскѣ и взяли по 1 рублю за пудъ; жалко стало распродавать промыселъ за дешево и рѣшились все забрать домой, даже лодки, хоть и видѣли, что тяжело будетъ, да бросать то убыточно, вѣдь каждая лодка стоитъ 40 рубл. Вотъ, помолясь Богу, тронулись на лодкахъ въ обратный путь; плыли они, конечно, вдоль берега, а нужно замѣтить, что въ океанѣ берега отмелые, часто становились они на мель, а съ силами то еще не собрались, путь выдался трудный. Подъ Канинымъ дошли до другаго самоѣдина и тотъ, спасибо, помогъ не меньше перваго: обласкалъ, отогрѣлъ и нашелъ имъ провожатаго, чтобы необходить Канинской земли, а рѣчками Чижою и Чешею и провести прямо въ Бѣлое море; этимъ они выгадывали верстъ 700; такимъ манеромъ добрались наши до Мезени, оттуда рѣкою Кулой поднялись до Пинеги, наконецъ Двиною спустились къ Архангельску. А дома-то объ нихъ какъ горевали! ужъ считали ихъ навѣрно погибшими; только въ Петровъ день получили мы объ нихъ первую вѣсточку, а потомъ и сами явились. Промыселъ-то потратили дорогою,—заключилъ разсчетливый старикъ,—только кожи привезли. Да это что! Слава Богу, что сами-то воротились живы».

Съ замираніемъ сердца слушалъ я разсказъ объ этомъ ужасномъ странствованіи. Очень многіе поморы, благополучно окончивъ подобныя испытанія, по обѣщанію идутъ на годъ въ Соловецкъ безплатными работниками.

Въ моемъ очеркѣ я слегка коснулся насущныхъ нуждъ поморья: плохаго сельскаго хозяйства, громадныхъ недоимокъ, плохаго санитарнаго состоянія, недостатка школъ и бѣдственнаго положенія поморовъ при морскихъ промыслахъ. Помочь этому горю и поднять благосостояніе архангельской губерніи можно только учрежденіемъ земства въ этой губерніи; только оно можетъ раціонально излѣчить эти язвы и содѣйствовать благимъ усиліямъ правительства.

Вечеромъ того же дня мы воротились въ Сюзьму, чѣмъ и окончилась наша экскурсія.

Сожалѣю, что мнѣ не удалось сдѣлать вторую экскурсію въ Яренгу и Лапшенгу, потому, что не было времени, такъ какъ курсъ лѣченія больной оканчивался, мы съ нетерпѣніемъ ожидали возможности возвратиться въ Архангельскъ и день нашего отъѣзда былъ назначенъ 15 іюля.

IV.

Однажды утромъ, дня за два до нашего отъѣзда, мы увидали всю Сюзьму въ движеніи—объявлена была свадьба; выдавали дѣвицу замужъ въ сосѣднюю деревню. Малое смотрѣнье

было наканунѣ въ 2 часа ночи; послѣ смотринъ, невѣста проплакала всю ночь и рано утромъ, въ сопровожденіи подругъ, отправилась плакать на могилу матери; вся деревня пошла за невѣстою на кладбище и мы послѣдовали за толпою. Невѣста, придя на кладбищѣ и склонившись надъ могилою, стала плакать и причитывать:

Какъ мнѣ
Сегодняшнюю ночь
Мало спалось,
Да много видѣлось.
И видѣла я,
Что приходила ко мнѣ
Моя денная печальщица,
Да ночная богомольщица
И говорила она мнѣ:
Дитя мое умное,
Да разумное,
Бѣдное
Да безсчастное,
Да безматерное!
Встань пораньше утромъ,
Умойся ключевой свѣжей водой,
Помолися Свѣту Господу,
Царю Небесному,
И проси-ка у родителя батюшки
Добрыхъ коней,
Что рысалые
Да сѣдлалые,
Да просись-ка у единоутробнаго брателки
У умнаго,
У разумнаго,
У стоумнаго,
Да просись у прелюбезной невѣстушки.

* *
*

И приди ты, дитя мое умное,
За родительскимъ благословеніемъ.
Какъ у меня испоставлена
Свѣтла-свѣтлица,
Съ окошками со косячатыми;
Со рамами со стекольчатыми,
Да испоставлены дубовы столы,
Испокрыты скатертями верчатыми,
Испоставлены кушаньями сахарными,
Да питьями разноличными.

Во время пѣнія женщины, окружавшія невѣсту, проливали горькія слезы. Затѣмъ невѣста, упавъ на могилу матери, продолжала еще болѣе убиваться и причитывать:

Да я ужъ сама
Знаю-вѣдаю,
Хоть младешинька,
Да догадаюся,
Что неиспоставлены дубовы столы,
Что не покрыты они скатертями верчатыми,
Что не испоставлены они кушаньями сахарными
И питьями разноличными.

* *
*

Какъ еще-то я пришла къ тебѣ родимая матушка,
И вы подуйте, вѣтры буйные,
Отъ востока до запада,
Отъ Антонія Сійскаго
До синя моря,
До желтыхъ песковъ.
И раздуйте, вѣтры буйные,
Развернитесь вы, желты пески,
И раступися мать, сыра земля,
И расколися гробова доска,
И откройтесь бѣлы саваны,
И отмахнитесь руки бѣлыя,
Отъ желанна—ретива сердца,
И разомкнитесь уста сахарныя,
И откройтесь очи ясныя,
И проговори моя желанная:

* *
*

Я пришла къ тебѣ
Ни за златомъ, ни за серебромъ,
Ни за дорогимъ цвѣтнымъ платьемъ,
И ни за хлѣбомъ, да ни за солью,—
Я пришла къ тебѣ
За родительскимъ-то благословеньицемъ.
Какъ твое-то благословеньице
Сохранитъ меня, да помилуетъ
На чужой дальней сторонѣ,
У чужаго чужанина,
У несвѣдущаго человѣка.

Послѣ малаго отдыха, невѣста продолжала:

Мнѣ сказывали люди добрые,
И люди добрые дивовалися
Да сине море всколыбалося,
Всѣ сосѣди и сосѣдки вокругъ собиралися
И всѣ дивовалися
Что про моего-то суженаго
Прошла вѣсточка,
Да вѣсть не радостная,
Отъ Москвы до Кіева
Отъ Кіева до славнаго Питера
Отъ Питера до Архангельска, славна города,
Отъ Архангельска города до села-то моего суженаго,
До его-то родимой, сторонушки—
И сказывали всѣ,
Что у моего-то суженаго
Испостроена свѣтла свѣтлица,
Что въ этой-то свѣтлицѣ
Насквозь птицы летаютъ
Да добрые люди ноги ломаютъ.

Подруги не дали невѣстѣ продолжать плачь и торопили идти съ кладбища, говоря что нужно поспѣшить сборами, такъ какъ свадьба была назначена въ тотъ же день вечеромъ; невѣста послушалась, но просила пройдти еще къ церкви на гору, поплакать и позвать брата, который былъ въ отлучкѣ; за тѣмъ вся толпа тронулась.

Такъ какъ каждая свадьба сопровождается толками и соболѣзнованіями, то ихъ было не мало и тутъ; двигаясь въ толпѣ, мы слышали: «Невѣста то ужъ не молода, лѣтъ подъ 30 и работница хорошая; не отдавали ее потому, что семья бѣдная, отецъ пьяница, одинъ братъ женатый, вотъ и дорожили ею; да ужъ въ послѣднее время принуждены были отдать, сама изъ дому посыпалась. — Женихъ-то говорятъ, гораздо моложе ея и ужъ очень бѣдный, изба плохенькая, только хвалятъ, что человѣкъ хорошій.—А жалко, что Алена уходитъ изъ деревни! славная пѣсельница, ужъ такой у насъ нѣтъ».—Между тѣмъ невѣста была ужъ на горѣ и мы снова услыхали, какъ она причитывала:

Схожу-ко я на высоку гору
Къ Антонію Сійскому [8])
Посмотрю на сине море,
Не плыветъ-ли съ моря лодка
Да не ѣдетъ ли тетка,
Да не везетъ ли ко мнѣ
Единоутробный братецъ
Сѣро-малаго,
Сѣро-глупаго
Андріяна Алексѣевича [9]).

Конца пѣсни я не дослушалъ, потому что толпа, спускаясь съ горы, увлекла меня за собою.

Въ слышанномъ пѣніи меня одинаково поражало и пѣніе и импровизація пѣвицы, которыя согласовались съ обстоятельствами.

Невѣста съ кладбища воротилась въ деревню, пришла къ замужней сестрѣ и просила позволенія помыться въ банѣ:

Богоданный мой братецъ,
Ужъ позволь возстать
Душой красной дѣвицы
Парну баньку истопить
И смыть украшеніе дѣвицы,
И намыть бабью старость.

Получивъ позволеніе, дѣвицы пошли топить баню,а невѣста отправилась по деревнѣ прощаться съ родными и знакомыми. Каждая хозяйка встрѣчала невѣсту у воротъ и сквозь слезы спрашивала: «гдѣ она была»? Та отвѣчала, что была у денной печальщицы, да у ночной богомольщицы и т. д., какъ говорилось въ пѣснѣ. Сосѣдки приглашали невѣсту въ комнату, угощали и дарили платочками. Замужняя сестра осыпала невѣсту вопросами: «испрашивала-ли ты благословенія матери? что посовѣтывала она тебѣ? благословила-ли она тебя»? Невѣста отвѣчала утвердительно.

Тетка невѣсты была старшая родственница семейства и невѣста, прощаясь съ нею, пала ей въ колѣни, причитывала и приговаривала словами пѣсенъ:

И па роду-то мнѣ написано
И не содѣлу досталося,
Крестная матушка.

А старуха все перебивала ее: «откуда прилетѣла моя птичичка, да что не попрежнему, да не постарому...» и т. д.

Крестное дитя, ужъ не со роду тебѣ написано и не содѣлу досталося,
Да худо ты дитя мое, святому Богу молилося
Да святымъ ангеламъ,
Да не пришла ко мнѣ, не посовѣтовалась.

Эти взаимные переговоры и плачь продолжались съ часъ; тетка была противъ этой свадьбы, находя, что женихъ неровня племянницѣ, что онъ ниже ея родомъ.

Потомъ подруги повели невѣсту въ баню; послѣ бани онѣ стали чесать невѣстѣ волосы, а она, прощаясь съ ними и съ своею дѣвичьей свободою, пѣла и плакала:

Ужъ вы вымыли меня мои милые подруженьки
Ужъ вы смыли съ меня всю привольную волю
Всю прежнюю нѣгу,
Все житье дѣвичье безпечальное.

* * *

Послѣдній разъ возстану душою красною дѣвицею,
И вы бы лучше меня живу въ землю закопали,
Чѣмъ съ меня бы сняли вольную волюшку.

* * *

И учесали мою буйную головушку,
И убрали мою трубчатую косу,
Не по старому, не по прежнему,
И не радуется тому мое ретиво сердечко,
И не смѣются мои уста сахарныя.

Слушая пѣніе, подруги плакали навзрыдъ. Невѣста продолжала:

И вѣрно вамъ не жаль меня, мои возлюбленныя подруженьки?
Какъ пойдете вы сударыни на прокладъ, гульбу веселую
Вспомяните вы меня, мои сударыни
Что въ этомъ новомъ теремѣ была ваша милая возлюбленная подруженька,

[8]) Въ Сюзьмѣ приходская церковь во имя Антонія Сійскаго; нужно замѣтить, что въ старину Сюзьма составляла волость Сійскаго монастыря.

[9]) Имя жениха.

И не слыхать-то ея тонка голоса!
Тонка голоса лебединаго!

***

Ужъ я въ ту пору
Буду у чужаго чужанина,
Чтобы проситься у него на прокладъ, гульбу веселую,
Я буду два часа обдумывать
Буду часъ ждать отвѣта
И скажетъ онъ: нагулялась ты душою красною дѣвицею,—
Ступай гулять, только не до краснаго заката
И не дотуши зари вечерней.
И уселюсь млада я въ сонъ дрему великую,
А какъ въ ту пору пойдете вы сударыни на прокладъ гульбу веселую,
Вспомяните вы меня, мои сударыни;
Ужъ мнѣ въ ту пору
Да во времечко
Легошенько колыхнется,
Тяжеленько воздохнется.

Послѣ бани невѣста одѣлась и вышла за столъ на большія смотрины; тутъ ужъ собрались женихъ, сваты, дружки и прочіе гости. Началось угощенье; невѣста всѣхъ обносила чаркою, при чемъ хоръ величалъ каждаго гостя по имени и по отчеству, а гости благодарили за честь и клали въ чарку деньги. Затѣмъ дѣвицы пѣли разныя пѣсни и между прочимъ укоряли сватовъ за то, что они берутъ отъ нихъ подругу:

Кабы тебя, сватушка, трясло, потрясывало,
Кабы тебя, сватушка, съ печи на печь подбрасывало.
Кабы тебѣ, сватушка, кирпичемъ подавиться,
Кабы тебѣ, сватушка, щами завариться,
Чтобы нашей милой подруженьки не ходилъ не высматривалъ, не высватывалъ.

***

Сватушка, у тебя въ огородѣ не бревно-ли?
Сватушка, у тебя на глазу не бѣльмо-ли?
Сватушка, у тебя въ огородѣ не чеснокъ-ли?
Сватушка, ты не безъ ногъ-ли?
Сватушка, у тебя въ огородѣ не лукъ-ли?
Сватушка, ты не безъ рукъ ли?

При этомъ сваты отшучивались отъ дѣвицъ. Послѣ обѣда гости ушли; вслѣдъ за тѣмъ шафера возвратились въ домъ невѣсты, съ подарками отъ жениха. Хоръ дѣвицъ, встрѣчая ихъ, запѣлъ, какъ-бы стараясь отстоять увозимую подружку:

Вы зачѣмъ, дружки, воротилися?
Или вы дружки не наѣлися?
Или вы дружки не напилися?

***

У дружковъ брюшины велики,
Мякиной брюшины набиты,
Соломой брюшины набиты,

и проч.

Чтобы умилостивить дѣвицъ, шафера дали имъ гостинцевъ, пѣсня смолкла и вскорѣ послѣ того шафера ушли.

Затѣмъ стали снаряжать подъ вѣнецъ невѣсту; вмѣсто родной матери, ее благословляла сестра. При этомъ невѣста залилась слезами и начала рвать на себѣ волосы, — словомъ, убиваться елико возможно. Говорятъ, что этого требуетъ обычай и чѣмъ горче плачетъ невѣста, тѣмъ больше получаетъ похвалъ отъ зрителей.

Невѣста стала причитывать:

Весь народъ разступался,
Всѣ добрые люди раздвигалися,
Съ крюковъ двери шаталися
Да открывалися,
И до меня допускалася
И шла ко мнѣ моя крестовая матушка [10]).

***

Стыдъ зазоръ очамъ яснымъ
И срамота лицу бѣлому
И тягота буйной головѣ.

***

Ужъ какъ поднялась твоя рука бѣлая
На мою-то буйную голову!
Ужъ лучше-бы ты сняла по плечи
Мою буйную голову,
Не было-бы такъ тошно ретиву сердцу,
Чѣмъ видѣть, что ты даришь мнѣ бабью старость [11]).

***

Позволь мнѣ, крестовая матушка,
Еще разъ сходить по старому въ Божью церковь?

Тутъ начался общій плачь и слезы. Наплакавшись, невѣста подарила своей любимой подругѣ дѣвичью повязку — причитывая:

И возьму украшенія души красной дѣвицы на правую руку,
И прижму къ желанну ретиву сердцу украшенія души красной дѣвицы,
И воздыму украшеніе души красной дѣвицы выше своей буйной головушки,
И оставлю свое украшеніе души красной дѣвицы своей милой подруженкѣ.

***

Ты береги его, моя сударыня
И отъ вѣтра
И отъ пудорги,
И отъ Божьей милости,
И отъ змѣя лютаго большаго,
Отъ семиглаваго лукаваго,

[10]) Такъ какъ крестная мать не соглашалась на эту свадьбу, то она и не пришла благословлять, а вмѣсто нея благословляла невѣсту замужняя сестра.

[11]) Крестная даритъ невѣстѣ повязку, которую носятъ замужнія женщины.

От свата большаго
Ты красуйся, моя сударыня.
* * *
Дотуши до меня, сударыня,
Отъ бѣдъ отъ кручины.
* * *
Не огонь пламя пышетъ,
И съ лютыми плящими морозами
Не зима-то вѣдь студеная,—
Не убойся и ты, сударыня.
Сними съ меня повязку.

Когда подруга сняла съ головы невѣсты повязку, та продолжала причитывать:

И оставлю украшеніе души красной дѣвицы и положу его на дубовый столъ;
И не заливайтесь, очи ясныя, горячими слезьми
И насмотритесь, очи ясныя, въ запасъ.
И наряжусь я, хоть не по старому, не по прежнему.
Пусть же красуется (такая-то; имя и отечество),
Какъ я млада красовалась.

Мнѣ говорили, что если-бы не было близкой подруги, тогда невѣста отнесла бы свою повязку въ лѣсъ, причемъ спѣлась бы ужъ другая пѣсня. Затѣмъ, невѣсту одѣли къ вѣнцу въ штофную юбку, въ нарядную кофту, на голову надѣли парадную повязку, волосы распустили по плечамъ; окончивъ уборъ, невѣста сѣла за столъ; вошелъ женихъ, накрылъ ей голову большимъ платкомъ и вывелъ на крыльцо. Наконецъ, свадебный поѣздъ тронулся; подъѣхавъ къ рѣчкѣ, стали переправляться па паромѣ. Въ это время дѣвицы на берегу запѣли прощальную пѣсню:

Отставала лебедушка
Отъ стада бѣлыхъ лебедей,
Приставала лебедушка
Къ стаду сѣрыхъ гусей,—
И начали гуси пикати,
И начали гуси шикати.

Въ отвѣтъ запѣла невѣста съ парома:

Отвѣчала лебедушка,
Что не сама я къ вамъ залетывала,
Занесли вѣтры буйные,
Завезли меня кони добрые
Кони суженаго, кони ряженаго.
И Аленушка головушку повѣсила.

Дѣвицы на берегу заканчивали прощаніе и пѣли:

Вы поѣдете, дружки,
По пути
По дорожкѣ,
Вы скажите, дружки,
Нашей милой подруженкѣ,
Чтобы у вѣнца
Цѣловаться не далася.

Можно сказать, что занавѣсъ опустился, представленіе окончилось и всѣ разошлись по домамъ; однако всю ночь разгуливалъ по улицѣ народъ съ пѣснями и подгулявши.

Послѣдуемъ за свадебнымъ поѣздомъ. Невѣсту привезли въ церковь въ 5 ч. вечера; послѣ вѣнца, изъ особаго уваженія къ новобрачнымъ, ихъ отвели домой въ вѣнцахъ, при колокольномъ звонѣ.

При встрѣчѣ молодыхъ, ихъ осыпали житомъ, затѣмъ свекоръ снялъ съ головы молодой платокъ, которымъ она была закрыта, завернулъ въ него благословенный хлѣбъ и три раза обвелъ имъ кругомъ головы молодыхъ. Молодые, принявъ хлѣбъ, сѣли за столъ и начался княжій столъ;

Во время стола хоръ пѣлъ:

У Спаса на городѣ
Въ колоколъ ударили,
Въ большой и въ малый
И въ средніе,
Подавали вѣсточку
Невѣстиной матушкѣ.
Что невѣстина мать
Трижды сплакала,
Въ первый разъ сплакала
Дочь спородила,—
Во второй разъ сплакала-—
Дочку выростила—
Въ третій разъ сплакала
Подъ вѣнецъ поставила.—

Переведя духъ, хоръ продолжалъ:

У Спаса на городѣ
Въ колоколъ ударили,
Въ большой и малый
И въ средніе,
Подавали вѣсточку
Жениховой матушкѣ.
Что женихова мать
Ровно трижды взрадовалась:
Въ первый разъ взрадовалась
Сына спородила,
Во второй разъ взрадовалась—
Сына взростила,
Въ третій разъ взрадовалась—
Сына подъ вѣнецъ поставила.

Затѣмъ хоръ пѣлъ отъ имени свекрови:

Ко мнѣ замѣнку вѣдутъ,
Ко мнѣ покорную
По мнѣ пословную,
Ко мнѣ сундуки везутъ
Ко мнѣ окованные.
* * *

Крестьянская свадьба въ Сюзьмѣ. (Невѣста на могилѣ матери).

Съ рисунка, доставленнаго кн. Л. Ухтомскимъ. Рис. Г. Глушковъ; рѣз. на деревѣ А. Матюшинъ.

«ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ», Т. II., 1876 г.

Дозволено цензурою. Спб; 28 апрѣля 1876 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

Воручили ключи
Въ руки суженыя,
Ключи ряженыя,
Я этимъ-ли ключамъ
Буду клюшница,
Золотой казны
Буду счетчица,
Свѣтлымъ платьямъ
Буду складчица.

По окончанiи стола, хоръ запѣлъ, выставляя все принадлежащее молодому выше того, что принадлежитъ молодой:

Золото съ золотомъ свивалось,
Серебро съ серебромъ заплеталось,
Наше золото получше,
Наше золото покраше,
Скатный жемчугъ подороже.

* *
*

Аленушка призадумалась,
У чужова чужанина
Загорюнилася
И расплакалася.

На это молодая отвѣчаетъ:

Еще некому нашу Аленушку
Пожалѣть поласкать.

Свадьба кончилась и гости разошлись.

На другой день опять было угощенiе: у молодыхъ шелъ почетный столъ, къ которому были приглашены родные, сваты и шафера.

Очень вѣроятно, что я могъ схватить только часть свадебныхъ пѣсень и обрядовъ, которые существуютъ въ поморьѣ. Въ настоящее время большая часть этихъ обрядовъ уже сгладилась въ Архангельскѣ и въ ближайшихъ селенiяхъ; вѣроятно и въ Сюзьмѣ эти обряды продержатся не долго; ужъ и при этой свадьбѣ старухи ворчали на молодыхъ дѣвокъ, что тѣ плохо поютъ, гнусавятъ, такъ что нельзя разслышать словъ пѣсней.

Этимъ очеркомъ мнѣ хотѣлось обратить вниманiе общества на Сюзьму и ея цѣлебныя морскiя купанья. Кромѣ того, мнѣ желательно было возбудить участiе къ поморью, населенному коренными русскими, какъ оно того заслуживаетъ, и наконецъ, описанiемъ поморской свадьбы обратить вниманiе любителей русской старины и народной поэзiи и указать имъ, что въ поморьѣ они могутъ открыть по этому отдѣлу настоящiя сокровища.

Кн. Леонидъ Ухтомской.